

18+

Алексей Ракитин

ВСЕ ГРЕХИ МИРА

Книга III

Алексей РАКИТИН

Все грехи мира. Книга III

«Издательские решения»

Ракитин А.

Все грехи мира. Книга III / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555670-7

Третья книга масштабной криминальной тетралогии. В начале XX столетия в США прокатилась волна немотивированных жестоких убийств, во время которых преступник ночью ударами топора убивал всех жильцов. Сейчас эти преступления связываются с серийным убийцей, оставшимся неразоблаченным. Автор предпринимает попытку проанализировать схожие преступления и на основе современных криминологических представлений понять, совершались ли они действительно одним человеком, и если да, то что им двигало.

ISBN 978-5-00-555670-7

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Часть V. 1911 год – бессмысленный и беспощадный	6
9 июня 1911 г.	6
11 июля 1911 г.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Все грехи мира Книга III

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2021

ISBN 978-5-0055-5670-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-2188-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть V. 1911 год – бессмысленный и беспощадный

9 июня 1911 г.

Предшествующая часть нашего повествования закончилась декабрём 1910 г. и чтобы продолжить её с указанного места, надлежит сделать важное отступление.

Дело заключается в том, что начиная с 1911 г. мы видим своеобразную логическую «вилку», то есть разделение сюжета на два различных повествования. Одно из них связано с убийствами белых семей с использованием топора и логично продолжает основную сюжетную линию этой книги. Второе же направление связано с серией убийств чернокожих семей, произошедших на территориях двух южных штатов – Техаса и Луизианы – в 1911—1912 гг. Общее число известных нападений за эти 2 года равняется 10, ещё одно преступление подобного рода произошло гораздо ранее – в ноябре 1909 г. и его связь с событиями 1911—1912 гг. вызывает определенные сомнения.

В книгах I и II мы неоднократно и притом не без критики упоминали работу американских писателей Билла Джеймса (Bill James) и его дочери Рашели МакКарти-Джеймс (Rachel McCarthy James) «Человек из поезда» («The Man from the Train»), посвященную той же криминальной загадке, что и наше повествование. Американские авторы явно дезориентированы появлением «второй серии» убийств топором [назовём её условно «убийства чернокожих семей»] и склонны допускать, что 2 или даже 4 эпизода из упомянутых выше 11 связаны с «основной» серией убийств. То есть совершены тем самым преступником, которого мы назвали «Американским Убийцей топором».

По мнению автора, авторы книги «Человек из поезда» допустили грубейшую методологическую ошибку, смешав воедино совершенно не связанные между собой «сериалы». Убийства белых совершали белые убийцы, а убийства чёрных – чёрные – в этом можно практически не сомневаться. Обосновать этот вывод можно по-разному и с разной степенью детализации, но то, что американские исследователи оказались неспособны осознать это довольно очевидное умозаключение, свидетельствует об их недостаточном понимании природы серийной преступности и попытке, извините за трюизм, ловить чёрную кошку в чёрной комнате.

В книге I и II автор не случайно неоднократно делал акцент на компактность и обособленность проживания в тогдашних США различных этнических групп. Даже белые районы делились промеж себя на кварталы ирландцев, немцев, евреев и пр., а уж о цветных и чернокожих и говорить не приходится! В стране иммигрантов у каждого имелось своё гетто. Проникнуть на чужую территорию и остаться незамеченным даже в ночное время было практически невозможно. То есть, наверное, один или два раза совершить такой партизанский рейд, может быть, преступнику и удалось бы, но никак не десять! Обязательно кто-то бы увидел белого парня на «чёрной» территории даже ночью и необходимые выводы были бы сделаны. Не надо думать, что в начале XX столетия все по ночам спали – напротив, в те годы у улиц было полно глаз, ибо не существовало телевидения, радио и интернета, многие люди страдали расстройством сна, во множестве существовали многодетные семьи [а семья с большим количеством детей – это бессонница для мамы]. Все эти аспекты – назовём их «бытовыми» – в той или иной форме уже затрагивались автором прежде, а потому вряд ли нужно их повторять снова.

Но помимо особенностей уклада жизни, крайне затруднявших действия преступника на «чужой» в этническом отношении территории, существовали ограничения иного рода. Их можно назвать назвать «психоэмоциональными». Механизм полового влечения устроен у человека так, что мы считаем привлекательными партнёров близких нам фенотипически. Обратите внимание, абсолютное большинство многоэпизодных сексуальных преступников

совершает нападения на лиц одной с ними расы. Да, попадаются исключения – но это именно исключения, которым криминальная психология находит прекрасные объяснения! Так происходит потому, что у сексуальных преступников существует «диапазон приемлемости» жертвы, иными словами, им интересны лица с набором вполне определенных качеств, привлекательных в глазах преступника. Поэтому белый нападает преимущественно на белых, а чёрный – на чёрных.

В этом месте кто-то может указать автору на Джеффри Дамера, белого убийцу-гомосексуалиста, жертвами которого становились преимущественно представители этнически неблизких групп – филиппинцы, чернокожие и пр. Это даже породило своеобразную легенду о «сексуальном расизме» Дамера. Но никакого особого расизма не существовало и случай Дамера, как раз-таки, полностью подтверждает высказанную автором выше мысль. Дело в том, что Джеффри Дамер, совершенно опустившийся алкоголик и наркоман, жил на территории гетто и просто пользовался возможностями, которые предоставляло проживание в подобном месте. Он никогда не врвался в чужие дома силой и не убивал их жильцов! Он мягко и непринужденно приглашал потенциальную жертву к себе домой – почувствуйте разницу с тем, что и как делал «Американский Убийца топором»!

Имеется ещё один веский довод против того, что убийства чернокожих семей 1911—1912 годов находятся в связи с интересующей нас серией. Дело заключается в том, что многие поведенческие детали убийцы чернокожих не соответствуют тем, что мы выделили для «Американского Убийцы топором». Прежде всего, речь идёт о территориальной локализации мест нападений – 4 из 10 произошли в одном районе, причём, 2 из них разделены буквально 2 кварталами, т.е. сотней метров. Наш антигерой в период 1900—1910 гг. никогда не демонстрировал такую географическую плотность! Вспомним карту, которую мы получили в конце II книги – между местами нападений многие сотни и даже тысячи километров! Единственное исключение – это нападения 20 сентября 1909 года (убийство семьи фермера Джорджа Медоуса) и 31 октября 1909 г. (убийство членов семьи Худ), между ними «всего-то» 65 км.! Зато каких километров – в начале XX столетия это была территория сплошных лесов, малонаселенная и угрюмая, а самое главное – упомянутые места нападений находились на территориях разных штатов – Вирджинии и Западной Вирджинии. А различные штаты – это различные юрисдикции!

"Американский убийца топором" стремился совершать свои посягательства в различных штатах, для чего переезжал с места на место. На эту логику его поведения мы обращали внимание в конце II книги. Подобное поведение имело глубокий смысл и было оправданно, поскольку объективно затрудняло расследование содеянных этим убийцей преступлений.

Но в случае убийств «чернокожих семей», как отмечено выше, мы видим совершенно иную картину, а именно – чёткую географическую локализацию на территории двух южных штатов.

Остаётся добавить, что в после одного из нападений [в апреле 1912 г.] остались выжившие – а это совершенно не соответствует поведенческой манере «убийцы-дестройера».

Да простит читатель автору это многословное вступление. Мне представляется необходимым сделать сейчас акцент на том, что убийства чернокожих семей в период 1911—1912 гг. не будут рассматриваться в этой книге и эту точку зрения автор посчитал необходимым обосновать. Хотя сама по себе история убийств в Техасе и Луизиане довольно интересна и запутанна; любителям криминальных загадок имеет смысл почитать о ней [если, конечно же, эта тема им неизвестна]. Хотя бы потому, что официально упомянутые преступления считаются раскрытыми и виновными в ней признана... да-да, молодая чернокожая женщина Клементина Барнабет (Clementine Barnabet). Убийства эти совершались якобы из побуждений религиозного фанатизма и Клементина действовала в сговоре с различными сообщниками. Сюжет там совер-

шенно кафкианский, Клементина вместе с братом сначала оговорила отца, которого местные «законники» отправили за решётку после первого эпизода, но впоследствии выпустили.

История разоблачения Клементины Барнабет чрезвычайно занимательна и запутанна, она сама по себе заслуживает отдельного большого исследования, но по мнению автора, к основному повествованию настоящей книги произошедшее в Техасе и Луизиане в 1911—1912 гг. отношения не имеет. Поэтому мы выносим «за скобки» все случаи убийства «чернокожих семей» посредством топора в тот период и сосредотачиваемся на том, что действительно важно для нашего сюжета.

Район Арденвальд (Ardenwald), расположенный в 6—7 милях (~10—11 км.) юго-восточнее города Портленда, крупнейшего населенного пункта штата Орегон, в 1911 г. являлся местностью хотя и сельской, но уже активно заселяемой и застраиваемой. Случилось это благодаря тому, что в Арденвальд несколькими годами ранее провели трамвайную линию, что сразу же упростило связь с городом. Ну а обычная железная дорога была проложена в тех местах уже несколько десятилетий до того, так что появление трамвая резко повысило привлекательность данной локации в глазах городских жителей. Тогдашнее состояние Арденвальда можно уподобить дачному кооперативу в России, который начал было застраиваться, но толком ещё не обжился. Дома уже стояли, тропинки – протоптаны, дорожки – проложены, но вековые деревья никуда не делись. В общем, пленэр и романтика!

Уилльям Хилл купил домик в Арденвальде в апреле 1911 г. В конце августа предыдущего года 32-летний Хилл бракосочетался с женщиной, которую боготворил. Его избранницей стала Рут Ковин Ринтол-Хилл (Ruth Cowing Rintaul-Hill) и, как несложно догадаться по двойной фамилии, женщина уже побывала замужем за Филипом Ринтолом (Philip Rintaul), местной знаменитостью, в прошлом известным спортсменом, а ныне – не менее известным репортёром орегонской прессы. В браке Рут и Филипа были рождены двое детей – Дороти Ринтол (Dorothy Rintaul) и Филип (Philip Rintaul). На момент описываемых событий девочке исполнилось 8 лет, а мальчику – 6. Впрочем, если быть совсем точным, то можно упомянуть, что некоторые источники указывают немного иной возраст детей – 9 и 5 лет соответственно. Как видим, дети носили фамилию отца, Рут также сохранила фамилию первого мужа.

Отцом Рут являлся известный орегонский адвокат Томас Ковин (Thomas Cowin). В упоминавшейся выше книге Билла Джеймса «Человек из поезда» можно прочесть, будто Уилльям Хилл, работал слесарем в местной газовой компании «Portland Natural Gas Company», но это очевидная ошибка, Рут никак не могла выйти замуж за рядового рабочего, «синий воротничок» – это жених не её уровня. По-видимому, Уилльям являлся инженером, во всяком случае из сообщений прессы мы знаем, что Хилла помимо упомянутой выше фирмы пригласил на работу другой крупный оператор быстро развивавшихся тогда газовых сетей – компания «Sellwood Gas company». Подобное совмещение, согласитесь, скорее подходит инженеру, нежели обычному рабочему.

Газетные публикации той поры позволяют составить представление об облике членов семьи Хилл. Слева направо: Уильям Хилл, Рут Ринтол-Хилл, её дети Филип и Дороти.

В общем, всё, что мы знаем о семье Хилла, указывает на определенную интеллигентность как Рут, так и Уильяма. После свадьбы, которую Рут и Уилл справили в курортном городке Мэрисвилль, штат Вашингтон в 280 км. севернее Портленда, чета занялась поиском дома в сельской местности. Такой дом был необходим ввиду наличия двух подрастающих детей, кроме того, проживание в просторном отдельном доме являлось свидетельством определенной статусности и жизненного успеха.

Итак, в апреле 1911 г. новый дом в Арденвальде неподалёку от шоссе Эстакадо (Estacado) был куплен. Локация казалась довольно удобной – расстояние до трамвайной остановки не превышало полумили (~800 м.), а до станции железной дороги – 1 мили (~1,6 км.). Квартал, в котором находился дом Хиллов, был довольно уютным, можно даже сказать, интимным – на участке росли большие старые деревья, рядом, на удалении менее 300 м., начинался настоящий лес.

Весь день 8 июня, четверг, Рут с детьми провела в доме и на лужайке перед домом, где её видели некоторые соседи. Вечером из Портленда вернулся Уильям, его появление также видели соседи. Он пребывал в хорошем настроении и до самого заката возился с Дороти и Филипом на лужайке, а потом вместе с детьми ушёл в дом.

Всё было как всегда, ничего подозрительного в тот вечер не происходило.

На следующее утро на участке Хиллов было необычно тихо. Никто не вышел из дома ни в девять часов, ни в половине десятого, ни в десять... Сосед Хиллов, Кристофер Мэттьюс (С. В. Matthews), занимавшийся покраской собственного дома и потому невольно следивший за окрестностями, предложил своей супруге сходить, узнать, всё ли у них в порядке? Женщина подошла к дому Хиллов и попыталась заглянуть внутрь через окна, но оказалось, что сделать это невозможно – обзор закрывали не только солнцезащитные деревянные жалюзи, но и какое-то тряпье, развешенное перед окнами вместо штор и наглухо скрывавшее внутренности дома.

В полной тишине женщина обходила постройку, всё более убеждаясь в необычности происшедшего, пока не дошла до окна, завешенного не очень плотно. В небольшую щель она увидела часть пола, на котором неподвижно лежала 8-летняя Дороти. Женщина не сомневалась, что девочка мертва, хотя в ту минуту не могла знать этого наверняка.

В ужасе она позвала мужа, ну а далее заработала народная инициатива. Мэттьюс сделал несколько выстрелов вверх, оповещая соседей о чрезвычайном происшествии и уже через 10 минут телефонным звонком из почтового офиса о случившемся был поставлен в извест-

ность шериф округа Клакамас (Clackamas county), на территории которого находится Арденвальд. От него информация о возможном «семейном убийстве» поступила шерифу соседнего округа Малтномах (Multnomah). Граница между округами проходила совсем неподалёку – буквально в 2,5 км. – и шерифы давно уже практиковали совместную работу в тех случаях, когда преступления происходили возле общей границы. Тем более что в данном случае лес, начавшийся неподалёку от дома Хилла и упомянутый чуть ранее, обширным клином вдавался глубоко в территорию округа Малтномах. То есть преступник, уходящий лесом, вполне мог появиться на земле соседей.

Из округа Малтномах в Арденвальд выехал шериф Роберт Стивенс (Robert L. Stevens) с 20 сотрудниками. Мы не станем называть этого человека героем борьбы с преступностью или какими-то другими пафосными эпитетами, но его бесспорно следует признать одним из лучших окружных шерифов США той поры. Этот человек заслуживает того, чтобы о нём сейчас было сказано несколько слов.

В начале XX столетия американская правоохранительная система была весьма несовершенна и её несовершенство усугублялось широко распространённой коррупцией. Избрание Стивенса на должность окружного шерифа в июне 1906 г. сопровождалось большими скандалами и обвинениями в подтасовке результатов, подкупе избирателей и пр. злоупотреблениях, причём подкупающие избирателей лица даже были задержаны и впоследствии судимы. Из-за серьёзных обвинений был проведён пересчёт голосов, подтвердивший победу Стивенса. Причём после пересчёта его отрыв от конкурента резко увеличился, то есть нечестная игра велась против Стивенса.

Географическая локализация убийств с использованием топора в 1911 г. Цифрой «1» показано место убийства семьи Хилл в местечке Арденвальд рядом с Портлендом, штат Орегон, в ночь на 9 июня 1911 г.

Выбор жителей округа оказался в целом неплох. Стивенс, действовавший с полной самоотдачей и порой немалым риском для собственной жизни, оправдал ожидания сограждан. Вот маленький пример, прекрасно характеризующий работу шерифа. Вечером 29 марта 1912 г., т.е. спустя менее года после описываемого нами убийства семьи Хилл, неизвестный преступник расстрелял на территории Клакамаса автомобиль, в котором находились два человека. Оба были убиты и ограблены. Согласно показаниям случайных свидетелей, убийца дабы не быть опознанным, надел на голову мешок с прорезями для глаз. Шериф Стивенс прибыл на помощь коллеге в точности, как и летом 1911 года. Поначалу расследование результата не дало и 1 апреля Масс, шериф округа Клакамас, заявил газетчикам, что никаких утешительных результатов сообщить им не может. Шериф же Стивенс между тем шёл по следу убийцы. Буквально! С собаками-следопытами.

Сначала он вместе с помощниками отыскал «лёжку» преступника и догадался о том, что тот не являлся местным жителем и не останавливаться у них на постой. Затем шериф отыскал заброшенный лесной домик, в котором преступник некоторое время жил перед нападением. Там он нашёл ценные улики, в частности, приспособления для изготовления патронов [убийца кустарно изготовил патроны для ружья и отлил свинцовую дробь]. Но самое главное заключалось в том, что в этом домике шериф Стивенс отыскал личные вещи, имевшие запаховые следы разыскиваемого.

Далее дело пошло веселее... Пустив собак по следу, шериф прошагал по лесу более 40 км. и 3 апреля вышел к месту очередной «дневки» убийцы. Стивенс лично задержал преступника, который пребывал в твёрдой уверенности, что нигде не допустил ошибок и избежал погони. Убийцей оказался опасный рецидивист Говард Робертс (H. E. Roberts), также известный под кличками «Джек» Робертс («Jack» Roberts) и «Лесной Джек» («Jungling Jack»). Последняя кличка недвусмысленно свидетельствует об умении этого человека выживать в лесу и маскироваться, но эти навыки, как видим, не помогли ему супротив шерифа Стивенса.

Несколько позже – уже в 1918 г. – шериф Стивенс по личной просьбе губернатора штата возглавил Департамент исполнения наказаний. Назначение это оказалось до некоторой степени вынужденным, поскольку предыдущий начальник покинул пост внезапно и при обстоятельствах довольно неординарных [история, приключившаяся с ним сама по себе довольно любопытна, но пересказывать её здесь и сейчас нет никакой возможности]. Нам важно лишь отметить тот факт, что Роберт Стивенс оказался человеком, чья кандидатура во всех отношениях – как профессиональных, так и в силу личных качеств – оказалась вне конкуренции.

То, что шериф округа Малтномах Ричард Стивенс с самого начала принимал участие в расследовании массового убийства¹, разумеется, увеличивает наше доверие к проведенной тогда правоохранительными органами работе.

После этого отступления вернёмся к событиям 9 июня 1911 года. После того, как об убийстве 4-х человек в доме Хиллов стало широко известно, в Арденвальд стали съезжаться жители близлежащих населенных пунктов. Большинство из них были на лошадях и при оружии, некоторые вели своры охотничьих собак, обученных идти по следу. Все эти люди имели намерение принять участие в предполагавшейся погоне. К 2 часам пополудни к дому Хиллов прибыло до 200 человек – это были жители 9 ближайших к Арденвальду посёлков. Вечером появились прокурор и коронер округа Клакамас со своими сотрудниками.

Чтобы более не возвращаться к вопросу об облаве и её результативности, отметим, что преследователи далеко не ушли. В качестве эталонного запаха собакам дали понюхать некоторые предметы, к которым убийца без всяких сомнений прикасался – полотенце, часы и топор. Чуть ниже мы скажем несколько слов об этих предметах, пока же речь о собаках-ищейках.

¹ Напомним, что по современной отечественной криминологической градации убийство 2 человек называется двойным, 3 человек – тройным, более 3 – массовым.

Собаки уверенно взяли след и повели преследователей от задней двери дома в сторону леса. Это было вполне ожидаемое направление для маршрута отхода преступника, так что тут никаких сюрпризов не возникло. А вот далее стало интереснее.

Пройдя по лесу некоторое расстояние, может быть, полмили, может, чуть более [800—1000 м.], собаки вышли из леса и приблизились к окраине Арденвальда. Там они стали хаотично двигаться между несколькими участками, принадлежавшими разным владельцам, после чего... вывели колонну к остановке трамвая. Затем собаки вернулись обратно... Затем опять повели людей к остановке... Всем стало ясно, что преследование закончилось.

Длительная погоня, которую ожидали все участники действия, не состоялась. Получалось, что убийца уехал из посёлка на трамвае. Это был странный и даже неожиданный результат, который был интерпретирован таким образом, что собаки потеряли след. Затем появилось другое объяснение, также вполне логичное.

На одном из участков, рядом с которыми собаки потеряли след, располагался крупный цветочный питомник. Соседи вспомнили, что в последние дни жизни Рут просила мужа купить там кое-какие саженцы и Уильям Хилл, возвращаясь домой, мог сделать такую покупку. То есть собаки восстановили следовую дорожку убитого главы семейства.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, спустя 3 суток эксперимент с собаками был повторен. В Арденвальд были привезены другие гончие, привлекавшиеся ранее к полицейской работе и хорошо себя показавшие. В качестве носителей эталонного запаха им дали понюхать другие, нежели в первый раз, предметы и... результат оказался тот же самый.

Опыт с определением маршрута отхода убийцы был признан неудачным и правоохранительные органы про него до времени позабыли.

Вечерние выпуски местных газет «Daily capital journal» и «East oregonian» 9 июня сообщили читателям о страшном убийстве семьи Хилл в Арденвальде.

Впрочем, всё рассказанное последует чуть позже, мы же вернёмся к дневным событиям 9 июня. Пока шерифы и толпа равнодушных граждан были заняты организацией и проведением загонной охоты на преступника, несколько детективов и врач службы коронера провели осмотр дома.

Результат его оказался по-настоящему шокирующим. Все члены семьи Хилл были убиты, причём дети оказались к тому же обезглавлены. Тела Рут и Дороти преступник уложил напротив входной двери таким образом, чтобы вошедший буквально наступил на них, тела же Уильяма и Филипа убийца оставил в их кроватях, где они, судя по всему, и находились во время

нападения. Представлялось совершенно очевидным, что преступник намеревался подобной инсталляцией шокировать открывшего дверь. Тела Дороти и Рут были полностью обнажены и на их коже были заметны отпечатки окровавленных пальцев и ладоней, что свидетельствовало об интересе убийцы именно к лицам женского пола. Головы всех убитых были сильно деформированы мощными ударами некоего дробящего орудия.

Это орудие вскоре нашли – им оказался топор, аккуратно приставленный к кровати в главной спальне. Топор был весь покрыт брызгами крови, фрагментами кожи и мозга, а также прилипшими волосами. На рукояти топора хорошо просматривались протяженные мазки крови – это были следы скольжения рук убийцы. Не вызывало сомнений, что именно этот топор преступник использовал в качестве орудия убийства.

Быстро удалось выяснить происхождение топора – он принадлежал соседям, проживавшим между участком Хилла и упоминавшимся выше лесом. Накануне вечером топор находился на своём месте во дворе возле поленницы. Это означало, что злоумышленник приближался к дому Хилла со стороны леса, по пути он вооружился топором, который затем оставил на месте преступления.

Убийца затратил много времени на то, чтобы плотно завесить окна. Штор в современном понимании в доме Хиллов не было, насколько можно понять из бытописательных источников той поры, шторы являлись атрибутом городского жилья, окна же домов в сельской местности закрывались только жалюзи [т.е. штор и тюля не имели в принципе]. Чтобы плотно завесить окна преступник использовал подручный материал – в ход пошли постельное бельё, скатерти и предметы одежды, найденные в платяных шкафах. Эта была очень интересная деталь, свидетельствующая о том, что **убийца намеревался провести на месте совершения преступления много времени и страховался от того, что кто-то увидит его**, заглянув через окно.

От внимания осматривающих не ускользнуло то обстоятельство, что зеркало умывальника оказалось сплошь запачкано кровавыми брызгами, а на полу осталось лежать полотенце с кровавыми разводами. Из этого сотрудники служб шерифа и коронера сделали вполне оправданный вывод о том, что убийца затратил немало времени на приведение в порядок своей внешности – он не только тщательно умылся, но, судя по всему, вымыл голову и расчесался [брызги на зеркале могли явиться как раз следствием расчёсывания влажных волос].

Кстати, из того, что преступник уделил внимание своим волосам можно было сделать кое-какие неочевидные выводы, например, тот, что кровь на волосах этого человека была очень заметна (то есть, он имел либо седые волосы, либо являлся блондином). То обстоятельство, что кровь жертв в значительных количествах попала на волосы убийцы, косвенно свидетельствовало об отсутствии у него в момент нападения головного убора или платка-банданы.

Осматривавшие дом пришли к выводу, что Уильям Хилл и Филип Ринтол были убиты первыми. На чём основана эта уверенность автор сказать не может – никаких свидетельств или документов, способных объяснить подобного рода вывод, увидеть не удалось. Другая важная деталь связана с выводом коронера о сексуальном мотиве нападения. Помимо того, что мама и дочь оказались полностью обнажены, на это указывали и некие специфические повреждения, во всяком случае, в газетах тех дней сообщалось, что Рут и Дороти были «атакованы» («had been attacked») и подобное словосочетание в прессе тех лет, употребленное в отношении лиц женского пола, несло в себе контекст именно «сексуально атакованы».

При осмотре дома был сделан ещё один важный вывод, о котором нельзя не упомянуть. Касался он присутствия на месте преступления ценных вещей. На виду остались некоторые довольно ценные женские украшения, а также кошелек главы семьи. В нём даже находилась кое-какая мелочь, но именно это и насторожило правоохранителей. Уильям Хилл должен был иметь при себе отнюдь не 30 центов, а скажем, 30\$ или даже поболее. Через несколько дней выяснилось, что по месту работы Уильям буквально за день до убийства получил значительную премию – 120\$ – и деньги эти полностью исчезли. Никаких крупных платежей ни Рут,

ни Уилльям в последние часы своей жизни не делали, а потому казалось непонятным куда же исчезла премия? Кроме того, не удалось найти деньги, которые семья должна была постоянно иметь при себе для ежедневных расходов. Отсутствие в доме и вещах убитых наличных денег заставило подозревать грабёж, хотя при поверхностном осмотре увиденное вроде бы свидетельствовало об обратном.

На прикроватной тумбочке в главной спальне дома были найдены золотые часы, принадлежавшие Уилльяму Хиллу. Часы остановились в 00:45. На корпусе часов остались кровавые мазки, оставленные как будто бы пальцами. Первоначально следствие склонялось к тому, что убийца брал часы в руки и рассматривал, но затем эта точка зрения несколько изменилась. После того, как часы показали мастеру, тот заявил, что они остановились не по причине окончания завода, а из-за падения. При падении слабая пружина соскакивала со своего места и корпус надлежало разобрать для того, чтобы поставить её обратно.

Эта деталь подтолкнула следствие к выводу, что 00:45 – это время совершения преступления. Подобное предположение подтверждалось тем, что в то же самое время без всякой видимой причины забеспокоилась собака соседей Хиллов. Своим рычанием она разбудила хозяев и тем пришлось взять её в дом, чтобы поутру не выслушивать раздраженные замечания живущих окрест соседей.

По-видимому, незадолго до 00:45 злоумышленник проник в дом, убил в главной спальне Уилльяма и Рут и, задев тумбочку, столкнул часы на пол. От падения они остановились. Преступник впоследствии поднял часы, осмотрел их и, убедившись в том, что они не идут, потерял к ним всякий интерес. Если подобный вывод был справедлив – а он кажется в целом довольно логичным – то время совершения преступления можно было считать установленным с точностью до минуты. Это открытие представлялось важным, из него следовало, что преступник проник в дом не перед рассветом, а гораздо раньше, после полуночи, и провёл в доме несколько часов.

На полу возле трупа Дороти Ринтол были обнаружены несколько чётких отпечатков части подошвы ботинка убийцы, который наступил в кровавый ручеёк и оставил несколько следов. Следы были фрагментарны, т.е. не позволяли точно определить размер обуви, но зато давали возможность точно установить ширину подошвы в самой широкой её части. Она составила 3,5 дюйма (8,9 см.), что соответствует 40,5 – 41 размеру обуви по европейской шкале. Данная улика имела бы большую ценность, если бы подозреваемого удалось схватить в скором времени после открытия преступления – в этом случае совпадение узора подошвы и кровавых отпечатков обвинение могло бы трактовать как доказательство пребывания на месте убийства. Понятно, что с течением же времени ценность улики должна была неуклонно снижаться ввиду того, что преступник мог избавиться от обуви.

Размер обуви можно считать ориентирующим признаком с важными оговорками. Дело в том, что бродяги, как и вообще люди малообеспеченные, отнюдь не всегда пользуются обувью своего размера. Скажем так, они обувают то, что у них имеется. Кроме того, человек, много передвигающийся пешком, обычно отдаёт предпочтение обуви большего размера, нежели ему нужен. Причины тому очевидны, вряд ли данное соображение следует долго обосновывать. Обувь размера 40,5–41 обычно носят мужчины, имеющие рост 175 см. и выше, но в случае бродяги это ничего не означает, рост его мог быть любым. То есть даже человек значительно ниже 175 см. мог обуть подобные туфли просто потому, что это избавляло его от угрозы натереть ноги при длительной ходьбе.

В силу сказанного, ценность данной улики преувеличивать не следует. Строго говоря, она вообще ничего не означает, что-то полезное для следствия из неё можно было бы извлечь лишь в случае задержания подозреваемого, но этого, увы, летом 1911 г. не произошло.

Убийца, уходя, запер за собой дверь. В книге «Человек из поезда» Билла Джеймса, которую мы периодически упоминаем здесь, содержится указание на то, что «Убийца топором»

выводил из строя замки, закладывая в них щепу или опилки, а также блокировал двери при помощи клиньев. Автор должен признаться, что не понимает, откуда Билл Джеймс и его дочь почерпнули информацию о клиньях и щепках, поскольку в газетах тех лет нет свидетельств такого рода. Можно предположить, что службы шерифов не сообщали подобных деталей журналистам, но честно говоря, в сдержанность правоохранителей верится с трудом. В те годы они свободно общались с прессой и полицейская наука ещё не дошла до того, чтобы в интересах расследования ограничивать либо умышленно искажать информацию, передаваемую прессе.

Непонятно, что могло помешать убийце воспользоваться штатным ключом. Зачем горючить огород с щепочками в замках и клиньями под дверью, если можно взять ключ, который находится в доме, быстро и беззвучно закрыть дверной замок, а затем выбросить ключ в кусты в ста метрах от дома, где его никто никогда не найдёт? В общем, мне непонятна та затейливая игра ума господина Билла Джеймса и его дочери, что проглядывает в написанной ими книге.

Но сама по себе данная деталь – речь идёт о запираании двери при отходе с места совершения преступления – заслуживает быть отмеченной. Это важный поведенческий признак, свидетельствующий о криминальной опытности преступника. Вместе с тем, признак этот отнюдь не уникален – многие преступники, чьей специализацией является совершение хищений из жилых помещений, запирают при отходе дверь.

Благодаря использованию собак-ищеек стало ясно, что убийца вышел из дома через кухонную дверь, обращенную в сторону леса. Направление отхода следует признать вполне логичным, тут никаких неожиданностей мы не видим. Лесной массив был тщательно осмотрен большой группой местных жителей и сотрудников службы шерифа округа Малтномах, о чём мы в своём месте уже сказали.

Первое подозрение, разумеется, пало на бывшего мужа Рут Ринтол-Хилл. Основания для подозрений имелись – Филип Ринтол, в прошлом известный игрок в американский футбол, был мужчиной крупным, сильным, дерзким, он имел репутацию человека гордого и не прощающего поражений. Казалось, что топор – это оружие как раз для такого, как он человека. То, что топор – это оружие слабейшего, большинству людей в голову как-то не приходит, хотя примеры, приведенные нами в конце книги II довольно убедительно показывают, что выбор подобного орудия более соответствует как раз-таки человеку слабосильному.

Филип Ринтол сразу же навлёк на себя подозрения, поскольку имелась информация о его конфликте с бывшей супругой. Более того, некоторые лица, осведомленные об обстоятельствах личной жизни Рут, засвидетельствовали во время следствия, что Рут и Уильям Хилл были вынуждены для регистрации брака уехать в соседний штат Вашингтон именно потому, что опасались скандала, который мог бы устроить во время церемонии Филип Ринтол.

В любом случае, бывшего мужа надлежало проверить в первую очередь. Сразу скажем, что все вопросы, связанные с его alibi, разрешились очень быстро.

Оказалось, что Филип Ринтол в первой декаде июня 1911 г. находился в штате Невада, в городе Солт-Лейк-сити, почти в 1 тыс. километров от места совершения преступления. Данная информация была надлежащим образом проверена и получила полное подтверждение. Это означало, что Филип никак не мог совершить убийство и потому подозрения в его адрес более не возникали.

Детективы опросили вагоновожатых и кондукторов трамваев, проезжавших через Арденвальд в утренние часы 9 июня. По результатам опросов был составлен список подозрительных лиц, а также мест их высадки. На основании этих данных предпринимались усилия по их поиску и кое-кого удалось даже отыскать. Но вся эта активность ничего расследованию убийства семьи Хилл не дала – связать найденных людей с преступлением не удалось.

Затишье в расследовании получилось довольно продолжительным – более чем на 3 месяца, что следует признать весьма нетипичным для тех лет. Правоохранительные органы США старались действовать максимально быстро и расследования даже тяжких преступлений

обычно не длились более 2-х недель [в большинстве случаев гораздо меньше]. Если за этот срок обвиняемого, либо нескольких достоверных обвиняемых отыскать не удавалось, расследования сворачивались, переходили в ждущий режим и если выходили из него, то по каким-то веским, нерядовым причинам.

Но с убийством семьи Хилл такого не произошло, Масс, шериф округа Клакамас, всё время помнил об этом чудовищном преступлении и не терял надежды раскрыть его.

На протяжении лета и первой половины осени проводились допросы лиц, в силу неких причин привлёкших внимание правоохранительных органов, но никаких задержаний не производилось. Так продолжалось вплоть до середины октября 1911 г. – тогда в расследовании последовал в высшей степени неожиданный поворот.

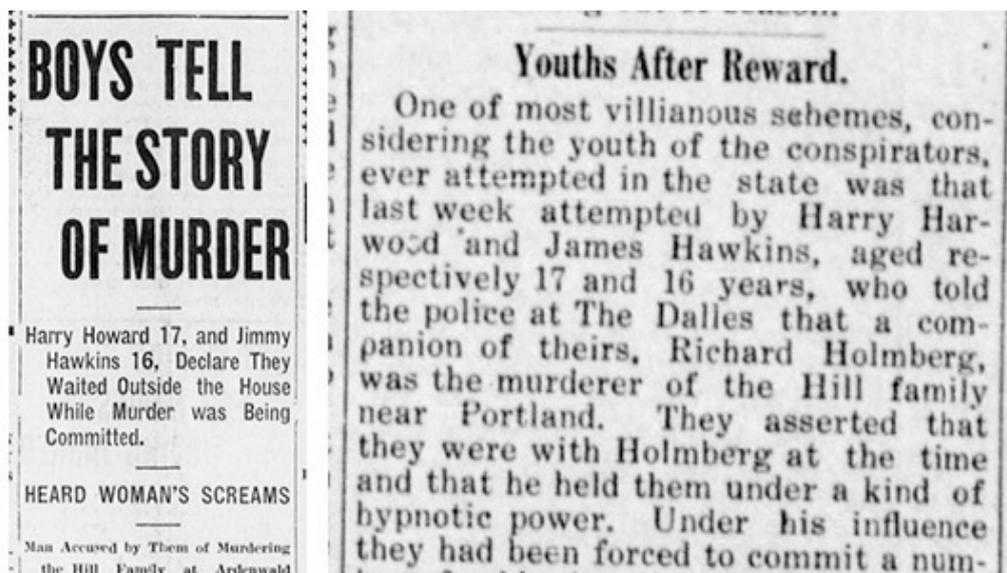
Началось всё с того, что в городе Даллес (The Dalles), расположенном в 120 км. восточнее Арденвальда, сотрудники службы шерифа округа Васко (Wasco) задержали 3 бродяг, т.н. «хобо». Юноши были совсем ещё молоды – Гарри Говарду (Harry Howard) недавно исполнилось 17 лет, Джимми Хоукинс (Jimmy Hawkins) был на год его младше, а самому старшему – Ричарду Холмбергу (Richard Holmberg) – не было и 20. Троица производила очень жалкое впечатление – низкорослые, тщедушные, злобные голодные... Поймали эту отнюдь не милую компанию на попытке ограбления – угрожая ножом, они попытались отнять сумку с покупками у женщины, возвращавшейся из магазина.

Проведя в окружной тюрьме ночь, молодые люди неожиданно дали признательные показания об обстоятельствах убийства семьи Хилл в минувшем июне. По словам Говарда и Хоукинса, убийство совершил главарь их маленькой банды Ричард Холмберг, при этом Гарри и Джимми находились снаружи дома и непосредственного участия в расправе не принимали. Более того, по их словам, они вообще не предполагали, что Ричард совершит убийство, поскольку считали, что дом пуст. Когда же до них донеслись крики убиваемых людей, то подельники посчитали, что люди кричат из-за паники и страха.

Ричард Холмберг полностью отрицал причастность к преступлению, что можно было объяснить тяжестью грозившего ему наказания. Уже 13 октября местные газеты вышли с сообщениями о случившемся прорыве в расследовании жесткого убийства в Арденвальде. Также газеты информировали читателей о том, что все члены банды перевезены из окружной тюрьмы в Даллесе в портлендскую тюрьму, где им предстоят допросы с участием детективов и работников офиса окружного прокурора.

Всё это звучало очень оптимистично и бравурно, но невольно рождались кое-какие неудобные вопросы. Например, почему это вдруг юноши решили сознаться в преступлении, в причастности к которому их никто не подозревал? Может быть, со стороны тюремщиков имели место некие незаконные приёмы воздействия, например, запугивание или пытка?

Службе шерифа округа Васко пришлось сделать кое-какие уточнения, которые сомнения не развеяли, а напротив, лишь укрепили. Согласно той версии событий, что озвучили «законники» из Даллеса, тюремный конвой с самого начала заподозрил юных арестантов в причастности к серьёзным правонарушениям. Для того, чтобы добиться от них признания, тюремщики пошли на весьма неожиданную хитрость. В то время, пока Говард и Хоукинс находились на допросах, один из тюремщиков вошёл в их камеру и... спрятался под «шконкой» [дощатым настилом, на котором спали арестанты]. Юноши, вернувшиеся в допроса, улеглись на «шконку» и стали шёпотом обсуждать результаты допросов, не подозревая, что прямо под ними лежит тюремщик, слышащий каждое слово! Именно во время этого разговора молодые люди и обсуждали убийство в Арденвальде.

В середине октября 1911 г. выходящие в Орегоне газеты сообщили о сенсационном прорыве в расследовании убийства семьи Хилл. Подростки, задержанные по подозрениям, никак не связанным с этим преступлением, сделали сенсационные признания и назвали имя убийцы!

Через пару часов их перевели в другую камеру, тюремщик вылез из своего укрытия и рассказал всё, что слышал. Дальнейшее явилось делом полицейской техники – на молодых людей чуток надавили, пригрозили казнью за отказ от сотрудничества со следствием и те поспешили во всём признаться. Точнее, поспешили свалить всё на старшего товарища.

От подобной версии событий за версту несло грубой полицейской провокацией. Понятно было, что никакой конвоир под «шконку» не залезал и ничего про Ардевальд юноши не говорили – мальчишек в отсутствие адвокатов цинично «прессанули», уж извините за вульгаризм, и они, запуганные и подавленные, поспешили сознаться во всём, чего от них требовали.

Показания Говарда и Хоукинса звучали недостоверно и не соответствовали известным правоохранительным органам деталям. Так, например, они утверждали, будто убиваемые кричали да так громко, что это было слышно снаружи дома. Но эта деталь не соответствовала действительности – никто из соседей Хиллов криков в ночь убийства не слышал! Юноши не знали, что лица женского пола были раздеты донага... Они не знали, что у детей были отрублены головы... Они понятия не имели о том, что мать и дочь были перенесены к входной двери и демонстративно уложены прямо перед нею... Когда их спросили о завешивании окон тряпьем, они даже не поняли, что имеется в виду! Трое голодных «хобо» набросились на женщину, которая несла из магазина 2 куриных тушки – что и послужило причиной их ареста в Даллесе – и эти же самые голодранцы оставили на месте преступления золотые часы стоимостью более 50\$ – да кто в такое поверит?!

Шериф Масс, проведя несколько допросов молодых людей, заявил, что не верит в их виновность, однако окружной прокурор Тонг запретил их выпускать. Последний всерьёз рассчитывал довести троицу до суда и тем успокоить общественное мнение. Ну, в самом деле, раз двое оговорили третьего – то пусть вся компания и отвечает!

Размолвку, возникшую между шерифом и прокурором наверное будет неправильно назвать конфликтом, но словосочетание «острое обоюдное недопонимание» вполне подходит для описания возникшей коллизии. Именно по этой причине появившегося в Портленде частного детектива Льюиса Левингза (L. L. Levings) шериф встретил с распростёртыми объятиями.

Детектив был человеком довольно необычным и имел репутацию мастера своего дела, то есть такого, который умеет связывать воедино разные фрагменты и способен к аналитической работе. Левингз принимал участие в большом числе расследований различной степени сен-

сационности по всему Тихоокеанскому побережью США, чтобы обосновать этот тезис достаточно упомянуть о том, что в 1895 г. он активно работал в Сан-Франциско, занимаясь поисками пропавших женщин, где показал себя с наилучшей стороны. Этой в высшей степени интересной криминальной истории посвящён мой очерк «1895 год. Убийства в церкви или Неизвестная история неизвестного серийного убийцы»². При всех достоинствах этого человека, существовавших, по-видимому, объективно, нельзя не отметить того, что он являлся частным детективом, а потому всегда гонялся за материальной выгодой. В этой книге сказано уже достаточно о том, насколько порочной была американская система проведения расследований силами частных детективов. Последние, к сожалению, отнюдь не всегда оказывались на высоте нравственного служения обществу, они злоупотребляли властью, занимались провакаторской деятельностью, вымогательством и шантажом, фальсифицировали дела и т. п.

Тем не менее, конкретно про детектива Левингса ничего плохого сказать нельзя и его репутация по состоянию на осень 1911 г. была почти безупречной. Шериф Масс в 20-х числах октября встретился с детективом в Портленде и предложил тому заняться расследованием убийства семьи Хилл. Мы не знаем доподлинно, каким был материальный аспект взаимодействия сторон, но детективу явно было обещано в случае успеха какое-то серьёзное денежное вознаграждение, поскольку «за бесплатно» частные детективы не работали принципиально. Нельзя исключать того, что шериф мог пообещать выплатить некий бонус из собственных средств, поскольку занимал выборную должность и нуждался в том, чтобы продемонстрировать избирателям успехи в работе.

Левингз деятельно взялся за работу. И следует признать, ему удалось продвинуть расследование вперёд!

Перво-наперво, детектив обратил внимание на то, что обе группы собак-ищек, что шли по следовой дорожке убийцы, продемонстрировали удивительно совпадение результатов. И 9 июня, и 12-го они вывели из леса к одному и тому же кварталу Арденвальда, что Левингз посчитал хорошим знаком. Детектив решил, что собаки действительно шли по следу человека, вышедшего из дома Хиллов и пришедшего через лес на окраину посёлка. Собственно, это понимали и участники летней погони, вопрос заключался в том, что же из этого следовало? Участники погони считали, что ничего, кроме того, что убийца сел на один из ранних трамваев и уехал, а Левингз рассудил иначе. Может ли преступник быть каким-то образом связан с этим местом? Может быть, ему незачем было уезжать на трамвае и он остался в Арденвальде, наблюдая за беспорядочной активностью поисковиков?

Подобный ход рассуждений казался парадоксальным, но логика детектива имела смысл.

Изучая владельцев недвижимости, расположенной на окраине посёлка, Левингз быстро сосредоточил внимание на человеке, владевшим большим тепличным хозяйством. В этом питомнике выращивалась на продажу рассада цветов и различных садовых растений. Бизнес принадлежал некоему Натаниэлу Харви 1853 года рождения. Сам Натан постоянно проживал в местечке Милуоки, расположенном по соседству с Арденвальдом, он периодически появлялся в своём питомнике, где трудились наёмные рабочие.

Несмотря на совершенно невинный род занятий, Натан Харви был человеком, мягко говоря, непростым. Он происходил из очень богатой семьи, владевшей землями по всему Среднему Западу и на Тихоокеанском побережье Соединённых Штатов. Земли эти приобретались ещё в эпоху первой поселенческой экспансии и практически ничего предкам Харви не стоили. Однако по мере того, как налаживалась хозяйственная жизнь страны, некоторые участки земли не просто выросли в цене, а сделались прямо-таки золотыми. Достаточно сказать, что

² Речь идёт об очерке «Убийство в церкви или Неизвестная история неизвестного серийного убийцы», который автор включил в сборник «Американские трагедии. Хроника подлинных уголовных расследований XIX – XX веков. Книга I». Книга эта издана с помощью книгоиздательской платформы «ридеро» в начале апреля 2021 г. и в настоящее время находится в продаже во многих интернет-магазинах.

спустя два десятилетия после описываемых событий род Харви пережил настоящий судебный катаклизм, когда дочь Натана решила отсудить у родни нефтеносные участки в Аризоне, которые могли потенциально принести многие миллионы долларов. Хотя первоначально эти земли приобретались едва ли не по полдоллара за акр.

Впрочем, тут мы сильно забежали вперёд, а делать этого не надо, ибо прошлое этой семьи любопытно настолько, что замалчивать его будет несправедливо по отношению к читателю. В 1880 г. Натан Харви проживал вместе с родителями и многочисленной роднёй в родовом поместье в округе Ли (Lee), штат Айова. Тогда отец завещал Натаниэлю основное имущество и... по странному стечению обстоятельств умер через 2 дня после подписания необходимых бумаг. Это была первая загадочная смерть человека, связанного с Натаном, но как увидим из дальнейшего хода событий, отнюдь не последняя!

Смерть отца выглядела очень подозрительно – тот был крепок и здоров буквально до последних часов жизни. Возникли подозрения на то, что не обошлось без яда. Публично было заявлено о подозрениях в адрес Натана, поскольку тот оказался главным выгодоприобретателем от смерти отца. Молодой человек стоически молчал и дожидался пока всё успокоится. Всё и успокоилось – шериф не нашёл никаких доказательств совершения преступления и дело закончилось, толком не начавшись.

Натаниэль выждал 3 года, потом продал всю недвижимость в округе Ли и переехал за более чем 2900 км. в местечко Милуоки, штат Орегон. Там он на участке земли в 550 акров [~220 га] обустроил новое поместье с огромным домом и различными вспомогательными службами – молочной фермой, конюшней, кузницей и пр., возвёл большое тепличное хозяйство. Не довольствуясь этим, прикупил ещё один участок в Арденвальде и вынес часть своего ботанического питомника туда. Насколько можно судить по материалам 1911 года, Харви устроил в Орегоне прямо-таки райский уголок, по-видимому, он имел природную склонность к ботанике и работе на земле. Его тепличный бизнес рос быстро и уверенно. Пригороды Портленда в последней четверти XIX столетия активно заселялись и развивались, а потому продукция агрокомплекса Харви всегда была востребована. В 1911 г. недвижимость Натана Харви оценивалась в более чем 100 тыс.\$ – огромные деньги по тем временам!³

В 1894 г. Натан попал в очень нехорошую историю, связанную с убийством 16-летней Мэйми Уэлч (Mamie Welch). Чернокожая девушка работала в тепличном хозяйстве Харви в Милуоки. Натан выделял её из числа других работниц, дружелюбно общался с нею, платил более, чем другим, что, кстати, служило источником трений между рабочими. Но Александр Сергеевич Грибоедов не зря написал бессмертное «храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь» – он знал о чём писал! Для Мэйми Уэлч всё закончилось очень плохо. Её нашли убитой и изнасилованной неподалёку от теплицы, буквально в 30 метрах. Подозрения сразу же пали на Натана Харви, но тот ловко «перевёл стрелки» на шурина, брата жены.

Как он это сделал? Неожиданно изящно! Харви заявил на допросе, что на самом деле никакого сексуального интереса к чернокожим женщинам не имеет – ну не нравятся они ему и всё тут! – а расположение Мэйми Уэлч он демонстрировал единственно потому, что хотел уберечь юную девушку от шурина. Тот положил на неё глаз, хотел соблазнить и так сказать

³ Поскольку нам часто придётся говорить о деньгах и материальных ценностях, следует сразу уточнить, что нынешний курс доллара США значительно ниже того, что существовал в описываемое в книге время. В США до 1928 г. существовала жёсткая привязка курса национальной валюты к золоту (т.н. «золотой» паритет) и тогда 1 доллар равнялся стоимости 1,555 гр. казначейского золота (чистоты 99,999%). Если пересчитывать курсы американского доллара через биржевую стоимость золота, то получится, что доллар 1911 г. примерно в 97 раз дороже доллара 2021 года. Но некоторые товарные группы (хлопок, табак, нефть, зерно) подорожали за эти 110 лет не так значительно, поэтому правильно будет несколько уменьшить зафиксированное выше снижение стоимости доллара. В этой книге автор считает, что удешевление национальной валюты США составило 40 раз за 110 лет, вообще же, хочется отметить, что этот вопрос довольно сложен и субъективен и в значительной степени зависит от политических пристрастий пишущего.

надругаться, но Натан решил этого не допустить и с этой целью изображал покровительство. Сказанное звучало правдоподобно, шериф задумался и решил поговорить с шурином.

Хотя последний настаивал на том, что имеет «железное» alibi, которое могут подтвердить многие слуги, никто его alibi не подтвердил и шурина арестовали. Далее произошло то, чего никто не ожидал. В камеру арестованного в окружной тюрьме явился младший брат Натана – Дениэл Харви – и провёл с шурином ночь. Поутру выяснилось, что шурин повесился, а Дениэл поклялся перед судьёй, что шурин перед смертью признался ему в убийстве Мэйми Уэлч. Как вам такой рассказ, звучит нормально?

Судья посчитал, что всё услышанное звучит вполне достоверно, правдоподобно и искренне, а потому дело можно считать раскрытым.

Прошёл год и третий из братьев Харви – Джордж (George Harvey) – подписал завещание, в котором объявлял наследником упомянутого выше Дениэла. Братская любовь – она такая слепая и порой безрассудная! Джордж был победнее Натана, но тоже далеко не нищ, завещанное имущество оценивалось более чем в 10 тыс.\$!

Через 2 дня после оформления завещания Джордж экстравагантно умер, повторив судьбу папочки. Употребление автором определения «экстравагантно» следует понимать буквально – возвращаясь из бара он утонул в луже. Когда лужу промерили, оказалось, что её глубина не достигает и 60 см. [менее 2-х футов]! Можно утонуть в такой толще воды? Ну, наверное можно, посчитал коронер и списал произошедшее на несчастный случай.

Автор не сомневается в том, что дальнейшие события проницательный читатель предугадает без малейших затруднений. В 1897 г. пожилая уже матушка Натана Харви написала завещание, в котором отдавала лично принадлежащие ей сбережения и ценности упоминавшемуся выше Дэну Харви. Прошло некоторое время – нет, не 2 дня, а почти 6 месяцев – и Дэниел застрелил любимую маму. После чего застрелился сам. Натаниэл, рассказывая эту историю людям шерифа, пояснил, что мать хотела переписать завещание, Дэн разволновался, психанул, ну и поступил так, как поступил.

Кстати, убийство матери и самоубийство Дэниела произошли в доме, принадлежавшем Натану, в то самое время, когда родственники находились у него в гостях. Хотя трагическая гибель матери и брата бросала тень подозрений на Натаниэля, тем не менее, он и в этом раз вышел сухим из воды.

Как видим, к 1911 г. за плечами этого человека была уже долгая жизнь, наполненная к тому же весьма специфическими происшествиями. Все, знавшие Натана Харви лично, характеризовали его как человека очень неглупого, с хозяйственной жилкой, чутьём к деньгам, но при этом абсолютно не управляющего своими волевыми импульсами, не считающимся с чужим мнением и склонным к вспышкам ярости. По своему темпераменту это был холерик и притом холерик крайне злобный. Наверное, Натаниэл Харви имел какие-то психиатрические отклонения, но с полной уверенностью мы об этом судить не можем, ибо его никогда не подвергали соответствующему обследованию.

Натан к 1911 г. сделался вдовцом и проживал в своём поместье в Милуоки вместе с сыном 21 года и дочерью 19 лет. Наличие неподалёку от места совершения преступления персонажа с описанным выше подозрительным бэкграундом, привлекло внимание детектива Левингза. Он взялся наводить справки и тут-то начались интересные открытия.

Детектив приехал в дом Натана Харви, представился и задал несколько вопросов, в частности о его времяпрепровождении 8 и 9 июня 1911 г., т.е. в то время, когда была убита семья Хилл. У Харви хватило ума не закатывать скандал и спокойно поговорить с детективом. Натан заверил его в том, что имеет прекрасное alibi – вечером 8 июня у него была интимная встреча с женщиной в Портленде, он никак не мог заниматься убийством, поскольку резвился до утра с дамочкой в её спальне. Что ж, сие было ненаказуемо – мужчина крепкий, здоровый, вдовец, разумеется, он может проводить время там и с тем, где и с кем пожелает!

Детектив постарался проверить заявление Харви и не нашёл подтверждения сказанному. То есть, он отыскал женщину, с которой Натан якобы провёл ночь, но та категорически отвергла существование связи с ним и уточнила, что встреча носила сугубо деловой характер, проходила в общественном месте и продолжалась буквально 10 минут. Они разошлись в разные стороны и более не встречались. Таким образом утверждение Харви о существовании alibi оказалось дезавуировано.

Следует отдать должное Левингзу – тот не стал спешить с выводами. Он не поленился навести справки в борделях Портленда и иных значных местах, куда Харви мог направиться в поисках женщины на ночь. Ведь коли у него не получилось с одной, так может быть, он решил попробовать с другой, более доступной? Усилия детектива никакого видимого результата не дали – он не нашёл людей, с которыми Натан Харви коротал ночь с 8 на 9 июня.

Правда, делать из этого далеко идущие выводы не следовало. Во-первых, спустя несколько месяцев довольно сложно вспомнить с абсолютной точностью события конкретного дня. А во-вторых, человек, с которым Харди провёл ночь, мог в силу самых разных причин не иметь желания признаваться в этом.

Детектив тогда решил зайти с другой стороны, а именно – попытаться отыскать связь между членами семьи Хилл и Натаном Харви. Выше мы отмечали, что Рут Ринтол-Хилл была женщиной привлекательной и хорошо известной в Орегоне, в конце концов в Портленде в те годы не так много было адвокатов (а отец её был адвокатом!) и совсем немного журналистов (а первый муж Рут после окончания спортивной карьеры стал журналистом!), так что интеллектуальная прослойка в городе была совсем невелика. Левингз не очень-то и удивился, узнав, что Рут была официально представлена Харви, который хорошо знал её отца и первого мужа. Более того, детектив узнал, что Рут регулярно заходила в питомник Натана в Арденвальде, где нередко встречала хозяина, так что знакомство естественным образом поддерживалось.

Картина получалась очень интересной! Харви был опасным человеком, его не раз подозревали прежде в совершении убийств, он был своеволен, не терпел отказов, плохо управлявшим гневом... Достаточно ли такого набора качеств для того, чтобы зарубить 4-х человек топором?

Детектив сообщил о результатах расследования шерифу Массу и тот ухватился за полученную информацию. Лучшего подозреваемого у него всё равно не было! Версия Левингза расставляла по местам все известные правоохранительным органам детали.

События, приведшие к страшной трагедии в Арденвальде, по мнению детектива в общих чертах развивались следующим образом: вечером 8 июня Натан Харви уехал из своего дома в Милуоки в Портленд, расположенный в ~6 км. севернее, на встречу с женщиной, с которой предполагал затеять интрижку. Однако общение с ней у него не сложилось – женщина искала квалифицированную работу, а вместо этого ей предложили интим за деньги (или даже за бесплатно!). Женщина возмутилась и ушла, а разъяренный полученным отказом Харви сел в трамвай и отправился в Арденвальд. Имел ли он с самого начала какие-то виды на Рут Ринтол-Хилл или же планы его поменялись по прибытии на место, детектив сказать не мог, но его версия и не требовала ответов на все вопросы. Левингз считал, что некие события вечера 8 июня направили гнев Натана Харви на Рут и её дочь. Возможно, на это как-то повлиял Уильям Хилл, приехавший из Портленда одним из вечерних трамваев и прошедший мимо участка Харви. Возможно даже, Хилл заходил к Харви, чтобы сделать кое-какие покупки, во всяком случае следствию было известно, что Рут иногда просила его это сделать.

Как бы там ни было, в голове Натана Харви оформился чудовищный и своей жестокости и дерзости план расправиться с Хиллами и тем успокоить уязвленное самолюбие. Возможно, злоумышленник имел намерение изнасиловать Рут или её дочь – в этой части можно было строить лишь предположения, поскольку у Левингза не было данных для того, чтобы вынести определенное суждение. По мнению частного детектива, поздним вечером Харви прошёл через

лес к дому Хиллов и некоторое время наблюдал за ним из темноты. Убедившись, что обитатели дома и прилегающих домовладений легли спать – а произошло это после 00:30 – Харви вошёл в дом Хиллов через заднюю дверь и быстро убил всех, находившихся внутри. В качестве оружия он использовал топор, взятый на соседнем участке и примеченный им ранее.

После совершения убийства, Харви тем же путём вернулся на территорию своего домовладения, уничтожил все возможные улики, провёл там ночь, а на следующий день спокойно уехал трамваем в Портленд. В трамвай он сел отнюдь не ранним утром, как предполагало следствие вначале, а ближе к середине дня, в потоке людей, а потому совершенно не привлёк к себе внимания.

Детектив Левингз был очень убедителен в обосновании своей версии и без особых затруднений склонил шерифа Масса на свою сторону. Последний сумел убедить окружного судью и 20 декабря 1911 г. тот выписал ордер на арест Натана Харви. Через несколько часов преуспевающий бизнесмен был взят под стражу.

Мы не знаем в точности, ожидал ли Харви ареста, но повёл он себя исключительно разумно. Перво-наперво он отказался от дачи показаний и нанял для своей защиты двух опытных юристов – Уилльяма Абея (W.H. Abel) и Джея Бауэрмана (Jay Bowerman). Харви пообещал им гонорар в 20 тыс.\$ – колоссальные деньги по тем временам!

Адвокаты, нанятые Натаном, заслуживают того, чтобы сказать о них несколько слов. Родившийся в 1876 г. Бауэрман несмотря на свою молодость к тому времени уже имел за плечами весьма впечатляющую политическую карьеру. Одно время он возглавлял республиканское большинство в парламенте штата, а после того, как Губернатор Бэнсон вышел в отставку по причине болезни, принял на себя обязанности губернатора, которые исполнял с 16 июня 1910 г. по 11 января 1911 г. Как видим, к концу 1911 г. Бауэрман являлся не просто владельцем адвокатской конторы, а политическим деятелем регионального уровня с большим весом, фактически лоббистом.

Репутацию адвоката Уилльяма Абея (W.H. Abel), следует признать, мягко говоря, неоднозначной. Родившийся в 1870 г. в Великобритании, Уилльям в юности переехал в США и поначалу жил в Канзасе, где в возрасте 22 лет закончил университет. Своё трудовое поприще он начинал школьным учителем, но быстро потерял интерес к манишкам и сопливым носам и, сдав в 1894 г. квалификационный экзамен, занялся адвокатской практикой. На своём веку Уилльям побывал во многих переделках весьма скандального свойства.

Так, например, в 1903 – 1904 гг. он фактически обворовал свою клиентку по фамилии Стивенс, пожилую разбитую параличом женщину, овдовевшую в июне 1902 г. Усадьбу миссис Стивенс, оцененную в более чем 8 тыс.\$, адвокат, получивший право распоряжения имуществом клиента, продал сыну миссис Стивенс за 900\$, а тот сразу же заложил домовладение банку за 3 тыс.\$. Сделка имела очевидные следы фиктивности. Дабы мать не помешала действиям сына, явно действовавшего вразрез её интересам и воле, молодой человек держал её взаперти, точно в тюрьме. В дальнейшем сын избавился от матери, поместив её в какой-то дом престарелых. Когда история вышла наружу, был поставлен вопрос о лишении Абея адвокатской лицензии, ибо тот явно не заботился об интересах клиента. В конечном итоге Абель вышел сухим из воды, в том смысле, что сохранил лицензию, но опекуны миссис Стивенс подали на него в суд и тяжба тянулась несколько лет (вплоть до середины 1908 г.).

В 1907 г. господин Абель сыграл весьма важную роль с крайне запутанном и до сих пор не до конца понятном расследовании убийства предпринимателя Фрэнка Тодда в городе Хоквиаме, штат Вашингтон. Этой криминальной загадке посвящён мой очерк «Необычная история Этель Тодд или Что такое криминальная инсценировка»⁴. Поведение Абея в то время

⁴ Очерк «Необычная история Этель Тодд или Что такое криминальная инсценировка» включён в книгу II сборника «Американские трагедии». На авторском сайте Алексея Ракитина очерк не публиковался.

также произвело неоднозначное впечатление на современников, в частности, его упрекали в равнодушии к судьбах его подзащитных, двое из которых покончили с собою после ареста.

Один из некрологов адвоката Абеля, появившихся в прессе после его смерти в декабре 1948 г.

В газетах тех лет выходки адвоката нередко описывались таким словами, как «фокус», «афера», «выдумка». Например, в апреле 1910 г. Абель крупно повздорил с помощником шерифа Дэном Ройсом (Dan Roys), который отказался пустить адвоката в окружную тюрьму к арестанту. Дело заключалось в том, что арестованный не являлся клиентом Абеля и требование адвоката о встрече с этим человеком являлось очевидно незаконным. Столкнувшись с отпором Ройса, Абель стал грозить помощнику шерифа, в ответ был послан куда подальше и притом не вполне куртуазно. Разъяренный Абель помчался к дежурному судье, а тот, выслушав его претензии и... также отправил адвоката куда подальше, хотя и без использования обценной лексики. История эта стала широко известна и попала в газеты. Самое смешное заключается в том, что арестованный, узнав о намерении Абеля стать его защитником, наотрез отказался иметь с ним дело и поблагодарил помощника шерифа Ройса за проявленную бдительность.

Поучаствовал Уильям Абель и в иных любопытных уголовных делах, как известных, так и не очень. Например, в 1919—1920 гг. он защищал обвиняемых по нашумевшему делу, вошедшему в американскую политическую и уголовную историю под названием «Бойня в Централии в День примирения 1919 г.» (Armistice Day killings in Centralia). Помимо этого юрист принимал участие в работе различных комиссий и советов на уровне округа и даже штата, вторая половина его жизни была отмечена широкой благотворительной деятельностью.

После этого подзатянувшегося, но необходимого отступления, вернёмся к событиям декабря 1911 г.

Защитники Натана Харви были те ещё крючкотворы и мы можем не сомневаться в том, что эти люди ни перед чем не остановились бы дабы вырвать обещанный гонорар. Нанятые адвокатами люди стали обходить домовладения как в Арденвальде, так и прилегающих муниципалитетах, проводя агитацию в защиту невинно арестованного. Харви знали многие, но немногие знали его подозрительное прошлое, поэтому агитация имела успех. Кроме того, хотя Натан и был не очень хорошим человеком, он, по-видимому, умел нравиться людям, во всяком случае большое число людей пожелали выступить в его защиту. Адвокаты арестованного сумели организовать многочисленный митинг в конце которого была оглашена пети-

ция в защиту Харви, её было предложено подписать всем желающим и подписи поставили более 500 человек! Это было довольно много для Орегона, являвшегося в те годы весьма малонаселенным.

Нам сейчас сложно восстановить ход закулисных событий, которые безусловно имели место быть, мы знаем только, что 27 декабря судья Сэмпсон (Sampson) неожиданно отдал приказ освободить Натана Харви из окружной тюрьмы. Что именно побудило его так поступить непонятно, вполне возможно, что окружной прокурор Берт Тонг (Bert Tongue) отказался поддерживать обвинение перед Большим жури или нечто подобное. Прокурор был человеком весьма своеобразным, что вскоре мы и увидим. В общем, налицо то ли конфликт среди «законников», то ли отсутствие единения, что и выразилось в столь странно непоследовательных действиях судьи. Впрочем, коррупцию мы тоже не должны отметать напрочь – это, всё-таки, Америка, в которой продажность правоохранительной системы была притчей во языцех вплоть до второй половины 1930-х гг.⁵, до тех самых пор, пока глава ФБР Гувер при поддержке политиков и католического духовенства не добился официального запрета на демонстрацию в американских кинофильмах гангстеров с положительной коннотацией. Тогда же был введён запрет на изображение принадлежащих к правоохранительным органам лиц (полицейских, судей, прокуроров, специальных агентов) коррумпированными, некомпетентными и халатно относящимися к служебным обязанностям. Читатели могут удивиться, но такова настоящая история Америки! До этой поры – то есть до начала 1935 г. – коррумпированные «законники» постоянно встречались на страницах детективных рассказов, сценариев и романов Чандлера, Хэммета, Кейна и др. американских писателей, но к концу 1930-х гг. такие персонажи начисто исчезают из кино, комиксов и литературы.

История на этом, однако, не закончилась, и далее последовали довольно необычные телодвижения участников интересующего нас процесса расследования.

30 декабря, в самый канун нового года, издаваемая в штате Миссури газета «Fair play» разместила статью, в которой кратко напомнила основные вехи расследования и сообщила о том, что Харви неожиданно дал признательные показания в убийстве семьи Хилл и дело таким образом получило долгожданную развязку. На следующий день это сообщение было повторено рядом других газет. Сама по себе география этих публикаций в газетах, издававшихся за тысячи километров от Орегона, зримо демонстрирует широкий интерес общественности к расследованию.

Обещанная развязка, однако, не последовала. В первые дни 1912 г. в средствах массовой информации прокатился вал опровержений, из которых следовало, что Натаниэль Харви никогда не делал приписанных ему признаний и налицо явная репортёрская ошибка. Умышленная или неумышленная, сказать в точности сказать нельзя, но вся эта история с якобы сознанием Натана Харви выглядит крайне подозрительно и производит впечатление хорошо срежиссированной акции.

Хотя обвиняемый и вышел на свободу, шериф Масс от подозрений не избавился и сохранил твёрдое намерение довести это дело до суда. В январе 1912 г. он воспользовался правом

⁵ С начала 1930-х гг. в США стали очень популярны кинофильмы гангстерской или тюремной тематики, прославлявшие «особый дух» уголовной этики и правил. В течение нескольких лет было снято более 50 кинолент такого рода, назовём некоторые из числа лидеров проката: «Большой дом» («The big house», 1930 г.); «Кодекс осужденных» («Convict's code», 1930 г.); «20000 лет в Синг-Синге» («20000 years at Sing-Sing», 1932 г.); «Леди большого дома» («Ladies of the big house», 1931 г.); «Маленький Сезар» («Little Caesar», 1930 г.) и др. Летом 1933 г. католическое духовенство начало кампанию против фильмов, прославляющих гангстеров и уголовный мир. Католический «Легион благопристойности» («Legion of decency») с апреля 1934 г. начал проводить по всей стране бойкоты фильмов гангстерской направленности. Действия католического духовенства поддержали многие политики и руководители правоохранительного сообщества, особенно активен в этом отношении оказался глава ФБР Э. Гувер. В конце 1934 г. пул кинокомпаний из Голливуда согласился строго следовать «Кодексу производства кинофильмов», который был составлен и подписан ещё в 1930 г., но на протяжении нескольких лет демонстративно игнорировался гигантами киноиндустрии.

собрать Большое жюри и представить ему «тело доказательств» виновности Натана Харви. Большое жюри – это не суд, выносящий суждение о виновности или невиновности подсудимого, это особая судебная инстанция, призванная решить вопрос о достаточности доказательств для формального обвинения подозреваемого в суде и допустимости улик. Большое жюри обычно собирается перед рассмотрением обычным уголовным судом сложных и необычных дел. Очевидно, что шериф решил собрать Большое жюри для того, чтобы обойти решение судьи Сэмпсона, снявшего обвинения в отношении Харви. Судья не имел власти над Большим жюри и если бы оно постановило считать обвинительную базу в отношении Натана Харви достаточной и убедительной, то никакой судья не смог бы выпустить обвиняемого из тюрьмы.

На то, очевидно, шериф и делал расчёт.

Однако с самого начала всё пошло не так! Очевидно, что между шерифом и окружным прокурором к тому времени уже существовал серьёзный конфликт, иначе сложно объяснить тот цирк, который Берт Тонг устроил перед Большим жюри. Окружному прокурору надлежало представить сумму доводов, позволявших считать Натана Харви подозреваемым в убийстве семьи Хилл. Эти доводы изложены выше. Можно спорить об их доказательной силе или степени убедительности, однако, должностные обязанности прокурора требовали эти доводы детально изложить и дать необходимые разъяснения. Тонг же, весело посмеиваясь в усы, встал перед членами жюри, кратко поведал им биографию подозреваемого, после чего заметил от себя, что вообще не считает возможным подозревать этого человека в чём-либо нехорошем. Со стороны прокурора такое поведение следовало признать в высшей степени непрофессиональным.

Тем не менее, шериф приложил немало сил для убеждения членов жюри. В течение последующих 4 заседаний были заслушаны различные свидетели, участвовавшие как в осмотре дома семьи Хилл, так и в попытке пройти по следовой дорожке убийцы с собаками. Несмотря на дурацкое выступление прокурора в начале слушаний, шанс на то, что Большое жюри посчитает необходимым официально обвинить в совершении преступления Харви, оставался отнюдь ненулевым.

В четверг 15 февраля защитник последнего Джордж Броунелл (George C. Brownell) с апломбом заявил о том, что в следующем заседании докажет наличие у Натана Харви «железного» alibi и сделает это с помощью 2 независимых свидетелей. По-видимому, у защиты имелась некая хитрая «заготовка», которую предполагалось пустить в ход, однако, у хитромудрых адвокатов что-то пошло не так. Когда пришло время рассказать о таинственных свидетелях, о которых защита почему-то молчала во время ареста Натана Харви в декабре 1911 г., выяснилось, что одним из таковых является... дочь подозреваемого! Надо сказать, что американское уголовное законодательство демонстрировало уважительное отношение к родственным отношениям и по умолчанию освобождало близких родственников обвиняемого от обязанности свидетельствовать в суде. Понятно, что ожидать от подобных свидетелей непредвзятости было бы слишком наивно, а наказывать за стремление помочь попавшему в беду родному человеку – несправедливо, потому обвинение свидетелей этой категории обычно игнорировало. Соответственно, и со стороны защиты вызов такого свидетеля являлся приёмом не то, чтобы незаконным, но... не вполне корректным. То есть по умолчанию считалось, что ни обвинение, ни защита этих людей не трогает, обе стороны демонстрируют уважение родственных чувств.

Понятно, что заявление Броунелла вызвало лёгкую оторопь, тем более, что свидетельствовать перед Большим жюри должен был не просто близкий родственник, а дочь, т.е. лицо женского пола, и притом дочь несовершеннолетняя! Не забываем, что эмансипация ещё не наступила, женщины ещё считались «слабым полом» и попытка защиты выставить подобного свидетеля представлялась по понятиям того времени верхом цинизма.

Когда же у адвоката поинтересовались, кем является второй свидетель – ведь Броунелл говорил ранее о «двух независимых» свидетелях! – выяснилось, что таковым будет... сам Ната-

ниэль Харви! Понятно, что отца и дочь никак нельзя было назвать «независимыми свидетелями». Тут даже самые благожелательно настроенные к подозреваемому люди поняли, что с *alibi* у Натаниэля Харви совсем нехорошо.

В этот весьма ответственный момент слушаний, когда мнения членов жюри явно заколебались и дело могло принять самый неблагоприятный для Харви оборот, слово вновь взял Берт Тонг. Он заявил, что обвинение не считает возможным настаивать на виновности Натана Харви и не располагает материалами для дальнейшего ведения следствия ввиду отсутствия других подозреваемых. На этом основании окружной прокурор заявил об отзыве обвинения против Харви и приостановке расследования убийства Хиллов.

Это был фактически полный крах расследования. Оно было приостановлено на неопределенный срок и более никогда не возобновлялось. Поведение Берта Тонга, конечно же, выходит за всякие рамки корпоративной этики, прокурор так вести себя перед Большим жюри не должен ни при каких обстоятельствах! Перипетии этого Большого жюри вызывают недоумение, так и хочется спросить: «Что это было?»

Вот только спросить некого.

По мнению автора прокурор Берт Тонг просто-напросто «слил» расследование, получив некую сумму от адвокатов Харви. Напомним, последний пообещал защитникам 20 тыс.\$, возможно, для взятки прокурору он выделил ещё некую сумму, то есть деньги на хорошую взятку у подозреваемого имелись. А окружной прокурор был очень своеобразным человеком и дабы читатель понял, что имеет в виду автор, имеет смысл привести пару примеров из его послужного списка.

Через год после описанных событий – в январе 1913 г. – Берту Тонгу повысили годовое жалование. И весьма заметно – с 2700\$ до 3500\$. О повышении похлопотал сам окружной прокурор, написавший подобающее случаю прошение на имя губернатора штата. Новость эта вызвала негодование общественности, поскольку для чиновника высокого ранга такого рода просьба выглядела нескромной и неподобающей. О повышении окладов подчиненных всегда беспокоились руководители, попросить прибавки самому себе означало нарушить все правила корпоративной этики. Но Берт Тонг явно был чужд столь сложным движениям души, ему были нужны деньги – и он их попросил!

Другой случай можно считать по-настоящему анекдотичным и его, наверное, следует приводить в качестве эталонного образца того, как прокурору не следует себя вести в суде. Связан этот случай с довольно интересным и весьма запутанным уголовным преступлением, которому посвящён мой очерк «Ужас, летящий на крыльях ночи»⁶. Вкратце фабула случившегося такова. Преступник, совершивший в мае 1916 г. двойное убийство на ранчо в окрестностях Портленда, скрылся на грузовом автомобиле и был замечен свидетельницей, давшей описание водителя. В ходе расследования был арестован и впоследствии предан суду подошедший по описанию мужчина, в прошлом судимый, знакомый убитой владелицы ранчо. Окружной прокурор Берт Тонг представлял на судебном процессе обвинение.

В ходе суда стали очевидны грубые недоработки и просчёты обвинения, в частности, у обвиняемого оказалось *alibi*, окровавленная рубашка, которая якобы ему принадлежала, не была опознана свидетелями и т. п. Но по-настоящему эпичным провалом прокурора оказалось то открытие, что обвиняемый, якобы покинувший в ночное время место преступления в сельской местности на грузовой автомашине, не мог это сделать ввиду того, что никогда не сидел за рулём. То есть в принципе не умел управлять автомашиной, не знал, как переключать коробку скоростей, как трогать с места, как работать педалями... Когда адвокат весьма здраво указал окружному прокурору на то, что подсудимый не мог сделать всего того, что

⁶ Очерк «Ужас, летящий на крыльях ночи» размещён на авторском сайте Алексея Ракитина «Загадочные преступления прошлого» в июне 2021 г.

ему приписывает обвинение, Тонг засмеялся и парировал этот аргумент следующим образом: «Но ведь хоть раз в жизни он же ездил на автомобиле! А стало быть, он мог им управлять!»

Такой логике возразил даже судья, аккуратно заметивший, что быть водителем машины и её пассажиром – совсем не одно и то же.

Берт Тонг являлся, безусловно, человеком циничным и беспринципным. Он был готов отправить на виселицу человека, невзирая на отсутствие хоть каких-то улик, доказывающих вину. И то, что такой вот делец от правосудия, точнее, кривосудия, странным образом развалил обвинение Натана Харви перед Большим жури свидетельствует, по мнению автора, о наличии некоей заинтересованности окружного прокурора именно в таком исходе дела. В бескорыстность Тонга не верится категорически – не того пошиба этот человечешко. Имела ли место взятка? Сие не доказано, хотя и кажется весьма вероятным. Ещё раз уточню – сугубо по мнению автора.

Но как бы мы не относились к окружному прокурору Тонгу и его действиям, вопрос виновности Натаниэля Харви стоит особняком. Мог ли продавец саженцев быть причастным к убийству семьи Хилл? Насколько достоверна с точки зрения современных представлений версия частного детектива Левингза?

Перво-наперво, следует признать очевидную неполноту проведенного службой шерифа расследования, не сумевшего ответить на многие вопросы, важные для наших нынешних суждений. Во-вторых, важно помнить, что единственным доводом, свидетельствующим о вовлеченности Натана Харви в преступление, является наличие следовой дорожки от дома Хиллов к его домовладению, точнее, даже к окрестностям домовладения Харви. Даже если Натан Харви на самом деле являлся плохим человеком и действительно причастен к смертям своих близких, из этого вовсе не следует, что он мог взять в руки топор и одним махом, буквально за десяток секунд лишить жизни 4-х человек. Да, родственники Харви умирали подозрительно и всегда с выгодой для Натана, но ни один из них не лишился жизни от удара обухом по голове.

В этой книге мы неоднократно отмечали на разные лады, что убить топором группу людей – притом сделать это в темноте и беззвучно – очень и очень непросто. Мы имеем дело с очень специфическими преступлениями, совершать которые должен весьма специфический человек – с лёгкой беззвучной походкой, быстрый в движениях («двигательно одарённый»), отлично координированный. Определяющее успех качество для такого убийцы – это отнюдь не сила, а именно быстрота и отличная координация. Мог ли быть таким в 58 лет Натан Харви? Очевидно, нет. Он был здоров телесно, имел крепки руки и ноги... но в начале XX столетия не существовало современных представлений о физкультуре и спорте. Мужчина в 58 лет, если только он не был цирковым артистом, в таком возрасте либо носил живот и страдал от подагры, либо был худ, как щепка, но страдал от туберкулёза. Автор сейчас, конечно же, несколько утрирует и делает картину гротескной, но от истинного положения вещей она отличается не очень-то и сильно. В те времена 58-летний мужчина уже не скакал как кузнечик – это был настоящий дедушка – либо больной и малоподвижный, либо здоровый, но всё равно малоподвижный.

Можно поверить в то, что Натаниэль Харви в молодые годы приморил папу, маму и даже утопил в луже братика, можно допустить, что он изнасиловал и убил чернокожую девушку, но очень сложно представить, чтобы успешный состоявшийся во всех отношениях бизнесмен метался в ночи с топором в руках по тёмному дому, перепрыгивая через столы и диваны.

Автор понимает, что эта аргументация не относится к категории достоверно установленных фактов, она скорее лежит в плоскости "вероятного" и "правдоподобного", а потому не претендует на исчерпывающую полноту. Но помимо этого субъективного ощущения и иное соображение, более конкретное и весомое.

В случае убийства семьи Хилл мы видим интересный поведенческий элемент, во всём подобный описанному в случае убийства семьи Шульц в Хьюстон-Хайтс вечером 11 марта 1910 г. В обоих случаях в домах, ставшим местом преступления, оказались плотно заве-

шены все окна. Это было нетипичным для хозяев. Можно плотно прикрыть шторами окна спальни, но зачем закрывать окна по всему дому? Совершенно очевидно, что этим занимался преступник, явно рассчитывавший провести некоторое время на месте убийства. Он явно не хотел, чтобы блуждающий свет в окнах привлёк внимание ближайших соседей и озаботился тем, чтобы человек, заглянувший в окно с улицы, не увидел его на месте преступления. Это весьма примечательная предусмотрительность, до которой вряд ли додумается человек, впервые решившийся на массовое убийство.

То есть тот, кто убивал Хиллов делал это, по мнению автора, не в первый раз. И это был не Натаниэль Харви.

11 июля 1911 г.

Арчи (Archie Coble) и Нетти Кобл (Nettie Coble) состояли в браке менее года и, судя по всему, были очень счастливы. Нетти была совсем юна – ей шёл лишь 19-й год – и очень привлекательна, Арчи был несколько старше – уже 25 лет! – но также полон молодого задора. Он производил впечатление мужчины, чрезвычайно увлеченного спутницей жизни.

Арчи Кобл работал бухгалтером в крупной торговой компании «Rainier Mercantile Company», он получал зарплату, достаточную для аренды довольно большого по меркам того времени 6-комнатного дома в посёлке Рейнир (Rainier) на территории округа Тарстон (Thurston county), штат Вашингтон. Населенный пункт находился в местности весьма живописной – на расстоянии около 70 км. находился величественный вулкан Рейнир, благодаря чему гора высотой почти 4,4 км. в хорошую погоду была прекрасно видна практически из любой точки посёлка. Местность вокруг была умеренно всхолмленная, поросшая сосновым лесом. Именно лесозаготовка и последующая деревообработка и предопределили появление в районе железнодорожной станции населенного пункта. На протяжении многих десятилетий численность жителей этой локации колебалась в районе нескольких сотен человек, статус города Рейнир получил лишь в 1947 г. Ближайшими крупными городами являлись Олимпия, столица штата Вашингтон и административный центр округа Тарстон, а также Такома. Расстояние до Олимпии немногим превышало 20 км., а до Такомы – равнялось 45 км.

Утром 11 июля 1911 г. Арчи Кобл не вышел на работу и это вызвало вполне понятное беспокойство его коллег. В принципе, можно было бы сходить к дому Арчи и выяснить причину неявки лично, но поскольку все в Рейнире знали друг друга, проще было позвонить соседям Коблов и попросить их заглянуть к молодой паре.

Это фотография посёлка Рейнир сделана около 1910 года и позволяет получить довольно точное представление как о застройке того времени, так и характере окружающей местности. В посёлке тогда была 1 школа, около дюжины магазинов и столько же питейных заведений. Вся хозяйственная деятельность была связана с заготовкой и вывозом леса, деревообработкой, а также работой железнодорожной станции и связанных с нею складов.

Около 10 часов утра такой телефонный звонок был сделан миссис МакНетт (Mrs. McNett), проживавшей на удалении около 50 м. от дома Коблов, и женщина любезно согласилась навести необходимые справки. В гостях у миссис МакНетт находилась её подруга – Ольга Вест (Olga West) – так что к Коблам женщины отправились вдвоём.

Наверное, очень хорошо, что миссис МакНетт оказалась тем утром не одна, ибо испытание, выпавшее на её долю, следует признать по-настоящему исключительным. Приблизившись к дому Ноблов, подруги быстро убедились в том, что ситуация у соседей явно ненормальная. Несмотря на отнюдь не ранний час, из дома не доносилось ни звука и на звон дверного колокольчика реакции хозяев не последовало. Не похоже было, чтобы они уехали – на столике, стоявшем на террасе, остались стаканы и газеты, которые несомненно были бы убраны хозяйкой перед отъездом.

Женщины подёргали ручку входной двери, несколько раз дёрнули рычажок звонка... Поскольку дверь оказалась закрыта, а треньканье колокольчика никакой реакции обитателей дома не вызвало, обе миссис – МакНетт и Вест – отправились вокруг строения, заглядывая в окна и стуча в стёкла. Дамочки подбадривали друг друга, но явно волновались – странная тишина выглядела подозрительно и заставляла нервничать.

Обойдя дом, МакНетт и Вест приблизились к двери из кухни во двор. Дверь была затворена, но не закрыта на замок, когда дверную ручку повернули, дверь распахнулась. В доме стояла пугающая тишина, было слышно лишь громкое тиканье напольных часов в гостиной. В эту минуту женщины с очевидностью поняли, что с Коблами случилось что-то крайне нехорошее, но повернуться и уйти было никак нельзя – начатую разведку следовало довести до конца. Пройдя по тихому пустому дому, МакНетт и Вест убедились в том, что все комнаты пусты... оставалась лишь главная спальня, дверь в которую была плотно затворена.

Когда женщины вошли в комнату, то поначалу ничего подозрительного в ней не заметили. Опущенные плотные шторы создавали полумрак, скрывавший детали. Потребовалось некоторое время, возможно десяток секунд или даже более, прежде чем глаза непрошенных посетителей привыкли к темноте и женщины поняли, что в глубине спальни стоит кровать... она не застелена... и в кровати как будто бы что-то лежит, но непонятно что именно.

Арчибальд и Нетти Кобл (фотографии из местных газет 1911 года).

В кровати действительно что-то лежало, накрытое одеялом. Миссис МакНетт и миссис Вест интуитивное уже были готовы увидеть мёртвые тела, но то, что предстало их глазам в действительности после того, как они отбросили одеяло, потрясло их намного больше. Два

обезображенных трупа, с раздавленными черепами, вытекшими глазами и открытым мозгом, потрясли женщин своим чудовищным видом. Женщины бросились с криком вон, призывая на помощь всякого, кто мог услышать их в ту минуту.

Так утром 11 июля началась эта история, драматичная не только своей завязкой, но и продолжением.

Убийство молодой четы немедленно привлекло к себе внимание не только на уровне руководства округа Тарнстон, но и всего штата. Департамент юстиции обратился к полиции Сиэттла с просьбой откомандировать на место преступления лучшего детектива по фамилии Никсон (Nixon), также к дому Коблов отправился окружной шериф Гастон (Gaston) с группой помощников, среди которых был его заместитель по уголовному розыску Лонгмайер (Longmire). Расследование с самого начала рассматривалось как высокоприоритетное, достаточно сказать, что уже 13 июля – т.е. спустя всего 2 суток со времени открытия преступления – губернатор штата Вашингтон распорядился выделить в премиальный фонд, из которого предполагалось произвести выплаты денег за поимку убийцы, 1 тыс.\$. Как видим, сумма была очень немалой по тем временам, да и быстрота принятия решения весьма красноречиво свидетельствует о внимании со стороны руководства штата проводимому расследованию.

Итак, что же показал осмотр места преступления и предварительный сбор информации о потерпевших?

Нетти и Арчи Кобл находились в кровати и не успели из неё подняться – этот вывод можно было сделать из анализа следов крови. С большой вероятностью можно было предположить, что они даже не успели проснуться и встретили смерть во сне.

В качестве орудия убийства был использован топор, принадлежавший Коблам. По-видимому, топор находился во дворе рядом с поленницей дров и преступник прихватил его перед тем, как войти в дом. После умерщвления Нетти и Арчи, убийца оставил топор возле кровати со стороны изголовья. Судя по всему, преступник не ходил с топором по комнатам [с топора должна была капать кровь, но нигде, кроме спальни, её следов не оказалось].

Преступник наступил в пятно крови, в результате чего на полу было оставлено несколько частичных отпечатков левой подошвы его ботинка. О длине подошвы судить было невозможно, но ширина отпечатка составляла 3,5 дюйма (~9 см.), что с некоторыми оговорками можно считать соответствующим обуви 42 размера по современной отечественной шкале (10-й по американской).

конверт, в котором оказались 30\$ – была ли эта семейная «зачатка» или только её часть никто из друзей и близких убитых сказать не мог.

Как было отмечено выше, Арчи Кобл по всеобщему убеждению был человеком довольно состоятельным и потому наличных денег было найдено, вроде бы, маловато... но никто не мог даже приблизительно сообщить детективам, какая же именно сумма была похищена, если только хищение вообще имело место? В конечном итоге, ввиду невозможности найти ответ на этот вопрос, правоохранители постановили считать, что преступник ничего с места убийства не забрал. А такой вывод, разумеется, автоматически рождал массу вопросов, связанных с мотивом нападения и целеполаганием преступника, потратившего время на бессмысленный обыск дома.

В спальне был найден отпечаток пальца, оставленный кровью. Без сомнения, он принадлежал убийце. Американские криминалисты той поры уже имели кое-какие представления о дактилоскопии, поэтому отнеслись к улике с надлежащим вниманием. Отпечаток был сфотографирован с высоким разрешением и детективы признали его годным для идентификации убийцы. С ним была связана лишь одна досадная неприятность – он был частичным, что могло создать проблему при его использовании.

Несомненно, интерес для следствия представлял ответ на вопрос, как преступник осматривал дом? Плотные шторы были опущены только в спальне, на прочих окнах штор либо не было вообще, либо они не были задёрнуты. Если преступник ходил по дому с зажженной керосиновой лампой или электрическим фонарём в руках⁷, то он рисковал быть увиденным в окно случайным прохожим. Неужели преступник, только что совершивший деяние, наказуемой смертью, был дерзок до такой степени, что пренебрёг такой опасностью? Или же на самом деле всё было иначе – преступник вообще не пользовался фонарём, а проводил осмотр дома уже при утреннем свете? 11 июля 1911 г. восход Солнца на широте Рейнира произошёл в 04:27, утренние сумерки, позволявшие ориентироваться в помещении с незавешенными окнами, начались четвертью часа ранее. Неужели убийца задержался на месте преступления до этого времени? Что это – глупость, безрассудство или же, напротив, криминальная опытность, подсказавшая убийце, что бояться ему нечего и он может потратить 20—30 минут на восходе Солнца для обстоятельного осмотра дома?

На кухне была найдена посуда с остатками пищи – кто-то ел яичницу с беконом. Все, знавшие убитых, в один голос утверждали, что Нетти Кобл была аккуратисткой, любила чистоту и порядок, грязную посуду не терпела и кухню держала в образцовой чистоте. Казалось невероятным, чтобы она оставила до утра грязную тарелку и сковороду! Но если это было действительно так и Нетти Кобл оставила кухню в чистоте и порядке, стало быть, приготовлением пищи озабочился убийца!

Эта картина, конечно же, отдаёт чем-то сюрреалистическим, чем-то таким, что выходит за рамки повседневного бытия – человек разводит огонь, жарит яичницу, нарезает ветчину и хлеб, а в комнате за стенкой лежат трупы людей, зверски убитых им несколькими минутами ранее. Невозможно давать такому поведению морально-этические оценки, остаётся лишь умолкнуть, дабы каждый самостоятельно проникся ощущением чудовищности описанной картины.

В ведре под сливом кухонной мойки была обнаружена розовая вода. Преступник, забрызганный кровью жертв, явно умывал лицо и руки.

По прикидкам детективов, Арчи Кобл возвратился с работы около 20:20 10 июля. Дом, ставший местом преступления, стоял несколько обособленно, ближайшие соседи жили на удалении 50—60 м., уличного освещения в Рейнире тогда не существовало и потому никто из жив-

⁷ К 1911 г. электрические фонари в США уже повсеместно вошли в бытовой обиход и продавались практически во всех хозяйственных магазинах. Они стоили около 4\$, а при распродажах и того меньше.

ших поблизости не мог подтвердить или опровергнуть данное предположение. Но оно, по-видимому, было справедливым, поскольку после ухода с работы Арчи ни к кому не заходил и в людных местах не появлялся, а стало быть, он отправился напрямик домой. Время ухода с работы было известно, установить хронометраж прогулки от офиса до дома труда не составляло.

Время наступления смерти врач коронарской службы МакКлинток (McClintock) отнёс к утренним часам 11 июля. Ко времени осмотра им тел на месте преступления, трупное окоченение развилось полностью, кроме того, кровь на постельном белье не высохла. Оба признака свидетельствовали о том, что смерть наступила приблизительно за 12 часов до осмотра. Последующее вскрытие показало, что желудки убитых были пусты – а эта деталь имеет некоторое ориентирующее значение. Если считать, что эвакуация пищи из желудка происходит в течение 4 часов после принятия пищи и Арчи и Нетти ужинали в районе 21 часа, стало быть, перемещение пищи из желудка в кишечник должно было закончиться около 1 часа ночи. Поскольку желудки обоих были пусты, стало быть Нетти и Арчи в то время были ещё живы.

Следопыты с собаками-ищейками для осмотра места преступления не приглашались. Не совсем понятно почему так получилось, штат Вашингтон – это лесной край, богатый всевозможной дичью и охотников там должно было быть очень много. Тем не менее, следопыты к расследованию двойного убийства в Рейнире не привлекались и мы ничего не можем сказать о следовой дорожке, оставленной преступником.

Как же проходило расследование тяжкого и немотивированного на первый взгляд преступления?

Главные силы службы шерифа были брошены на опрос местных жителей. Правоохранители исходили из того, что кто-то должен был обязательно заметить что-то необычное или подозрительное, злоумышленник должен был выдать себя ещё на этапе планирования нападения. Опрос жителей посёлка позволил установить, что в населенном пункте во второй половине дня видели необычного человека, слонявшегося по улицам без всякой видимой цели. Мужчина не вступал в разговоры, как будто бы никуда не спешил и это было довольно странно для середины рабочего дня. Он был одет по-рабочему – зелёно-коричневая клетчатая рубашка, заправленная в светло-голубые джинсы, шейный платок, лёгкая шляпа, которую неизвестный то надвигал на глаза, то снимал с головы. Мужчина был блондином, имел загар, как человек много времени проводящий на воздухе, телосложение имел худощавое, в целом выглядел подтянутым, очень жилистым. Возраст его определить было очень сложно – этому человеку с равной вероятностью могло быть и 25, и 45 лет. В принципе, он не выглядел подозрительно или пугающе, внешность его была совершенно заурядной, просто странным казалось то, что никто из местных жителей его не знал и никогда не видел в посёлке ранее. Впрочем, после 10 июля странного загорелого блондина в Рейнире тоже никто не видел.

Помимо информации о таинственном незнакомце, опрос населения дал шерифу Гастону и другую зацепку, скажем прямо, более осязаемую. Выглядела она многообещающе! Шериф узнал, что Нетти Кобл буквально за несколько часов до убийства повздорила с неким Артуром Пьерром (Arthur Pierre), молодым человеком дурного нрава, вспыльчивым и приставучим. Пьерр постоянной работы не имел и таковую не искал, он слонялся по Рейниру в поисках каких-либо разовых подработок, иногда уезжал в расположенные поблизости городки и подхалтуривал там, но всегда возвращался обратно. Человек это был бестолковый, любивший выпить, в состоянии опьянения он делался говорлив и приставуч к женщинам и девицам. В начале июля Пьерр подхалтуривал на местной мельнице, где проводился ремонт, с утра он работал там в качестве грузчика, а во второй половине дня, получив на руки деньжата, отправлялся обходить все «пьяные углы» посёлка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.